

СМ - сегодня (Рига) - 1992 - 7 июня.

Истина одного челс

Адольф Шапиро: "СЛУЖИТЬ БЫ РАД..."

- Сразу после премьеры поставленного Праудиним спектакля "Кольцо и роза" 26 июня вы, Адольф Яковлевич, заявили о своем выходе из Союза театралов Латвии.

- Да, и о снятии с себя обязанностей секретаря. Напомню, что после того как стало известно о намерении "реорганизовать" наш театр, я сказал, что реакция на это нашего общества многое прояснит в его, обществе, состоянии. Теперь уже ясно - оно больно. И самое грустное, что особенно болезнь затронула, кажется, интеллигенцию: она в состоянии страха, оцепенения, расслоения. Теперь, к сожалению, многие фамилии из моей записной книжки придется вычеркнуть. Ибо я понял, что меня вычеркнули, как только началась вся кампания. От зрителей, от зарубежных коллег шли письма, люди приходили, предлагали помощь. Но именно наш СТД - организация, которая и должна была предложить мне помощь, осталась индифферентной. По сути они своим молчанием превратили себя в соучастников этого мероприятия.

Письмо 190 деятелей искусства в защиту нашего театра для меня было свидетельством того, что любые конфликты и противостояния можно преодолеть, когда дело касается вещей существенных и важных. Сегодня представители Азербайджана и Армении редко подписываются под общими документами, а под этим письмом стоят подписи председатели театральных союзов обеих стран. Я понимал, что письмо нам вряд ли поможет, но я рад за этих людей. Тут у меня письма коллег из Голландии, Дании, Испании... Единственный СТД, не высказавшийся по поводу нашего Молодежного, - латвийский. В котором я уже 30 лет и долгие годы был секретарем. Это бесконечно дорогое для меня сообщество людей искусства, театра, единственное, в котором я состоял. Но меня компрометирует дальнейшее участие в союзе, скомпрометировавшем себя в глазах театральной общественности. Конечно, есть в нем люди, которых я очень уважаю и не хотел бы обидеть. Но не могу преодолеть себя и сесть за один стол с теми, кто бесстыдно себя повел. Поэтому я выхожу из СТД Латвии. В надежде на то, что будет создана новая форма объединения театральных деятелей республики, я снова буду в нем работать по мере сил и возможностей.

- Вы только что вернулись из поездки по делам АССТЕЖ?

- Вернулся именно в пятницу, к премьере. В Венесуэле мы обсуждали вопросы, которые вынесем в феврале на конгресс этой международной организации. В его рамках в Гаване состоится и театральный фестиваль. Моего театра на нем, видимо, уже не будет...

- Как реагировали зарубежные коллеги на резкую перемену в вашей жизни?

- Как? Они не понимают. У них одна реакция и один ответ: приезжай к нам, бери постановки, открывай театр.

- Не исчерпала ли себя сама идея театров для молодежи, не становится ли их в мире меньше?

- Нет, они развиваются. В Венесуэле, например, открыли два новых театральных здания, специальную театральную школу. Государство уделяет им огромное вни-

мание, понимая, что от этого зависит и будущее театра вообще.

- Итак, наше министерство объявило конкурс, в котором вы не участвуете. Что же дальше?

- Я, конечно, понимал, что не пропаду, но что получу столько предложений за полтора месяца... Пока определенно принял два. В товстоноговском БДТ мне предложили поставить любую пьесу, какую только захочу. Обещал Лаврову сообщить название в сентябре, премьера намечена на февраль. А в Лондоне буду делать "Вишневый сад" со звездой английского театра Жаннет Сюзман в роли Раневской (она же и продюсер спектакля). Художник - знаменитый Тим О'Брайен, с которым я должен был поставить "Гамлета" в Риге. В принципе, я дал согласие на постановку в Венесуэле. Сейчас отправляюсь в Варшаву, там у меня "Датская история". Веду переговоры с Данией, Испанией... Есть предложения от пяти московских театров.

Но одно меня особенно тронуло. Позвонили из Эстонии, приглашали на любых условиях и в любое время. Им важен результат. Могу взять любых актеров и репетировать по-русски. Я им очень благодарен. Есть в жизни вещи, которые надо забывать, а такое необходимо помнить.

- "Есть мнение", что "реорганизация" Молодежного поставила ваше имя рядом с именами Таирова и Мейерхольда в истории театра. Во всяком случае сделала вам небывалую рекламу.

- А все подобные кампании оборачивались рекламой для тех, против кого были направлены. Но только срок действия таких сенсаций непродолжителен, и рекламу потом работой своей подтверждать надо.

Меня просто хотели поставить на место. Не возражали бы даже, чтобы я ставил спектакли в латышских театрах. Но не могли допустить, чтобы театром руководил "иностранец", создающий "космополитическое" искусство. Требовалось, чтобы я занял то место, которое мне отведут в театральной жизни. И вообще в жизни. И даже чтобы я удобно устроился на этом подготовленном для меня месте. Это понятно. Но время все поставит на свои места.

Сегодня всем трудно. И наш театр не на взлете. Но было ощущение, что кризис преодолим. Мне кажется, об этом свидетельствует та же премьера "Кольца и розы". Я горд, что немало сделано за эти годы. Но волнует судьба наших людей. Как профессионалы они, думаю, не пропадут, но ведь особую силу они составляли все вместе. Да во многом и моя сила была в этом, потому и не принимал приглашений на работу в другие театры.

- Слышала, кое-кто из актеров уже уезжает, даже по контракту. - За оксан. Настроение в труппе, понятно, тяжелое...

- Хотя я вижу, что многие актеры еще не понимают по-настоящему, что же случилось. Не верят. Это, знаете, как если близкий человек умирает, - надо, чтобы время прошло, тогда осознаешь. Вот увидишь, говорят мне, месяца через два все изменится. Да и я ловлю себя на мысли: а вдруг...

У актеров есть идея сохранить единую группу и какое-то время ждать меня. Мне вроде неудобно об этом - но многие говорят, что сидели здесь из-за Шапиро. А что

за интерес оставаться, если неизвестно, с каким режиссером придется работать.

Я, конечно, сделаю для них все, что от меня будет зависеть. И несмотря на случившееся должен уговорить их работать. Потрясение настолько сильное, все кажется настолько бессмысленным и беспросветным, что многие из молодых просто не хотят больше быть в театре. Телевидение, кино, что угодно - только не театр! Так что у меня сложная психологическая задача. Я их понимаю: в таком состоянии возможна разве что игра ради игры с оправдательным "ведь надо же хоть что-то ставить". Но, по большому счету, если просто "пробывать на сцене", а не выражать свое отношение к жизни, свое "я", то и театр, и вообще игра - вещи достаточно безразличные. И, к сожалению, актерское мастерство - величина непостоянная. Когда не с теми и не то играешь, релаксируешь, может произойти внутренняя девальвация. А режиссер платит одиночеством за то, что наделен нечеловеческой властью "распределять роли". Обвинять режиссера в диктаторстве, тоталитарности - такая глупость. Профессия это авторитарная, как и профессия дирижера.

Боюсь, люди, которые зачем-то и почему-то так обошлись с театром или способствовали этому "делу", заплатят своим творческим бесплодием.

- Но все же многие считают, что вам стоило пойти на компромисс с министерством, участвовать в конкурсе, как бы вы к нему ни относились. Тем более убеждали, что для вас он всего лишь формальность, так как режиссер Шапиро вне конкуренции. Говорят, что вы ударились в амбицию.

- Ударился! Но назвал бы это не амбицией, а тем чувством человеческого достоинства, без которого не мог бы дальше жить и творить. Я не бросил свой театр. Каждый год у меня возникали возможности работать в официально более именитых театрах, более денежных. Я остался. И за 30 лет поставил на нашей сцене 70 спектаклей, только восемь - на чужих.

Для того чтобы работать, ставить, нужно чувствовать себя хоть немного лучше, чем ты есть на самом деле. Иметь хотя бы иллюзию, верить, что имеешь право на общение со зрителем. Что ты "не червь, а человек". Театр - не сфера обслуживания, а способ жизни. Оскар Уайльд сказал, что актер может быть или паяцем, или священнослужителем. Мне ближе второе. И в конце концов, что такое работа в театре, как не спасение души, спасение себя. Если потеряю себя - о чем тогда говорить с людьми? Чем "учить молодежь"? Они должны видеть: есть еще люди, высоко ценящие чувство собственного достоинства. Большинство актеров все это понимает. Поэтому собираются меня ждать и не требуют "пойти на все". Большинство из них - мои ученики, а учил я их не только актерскому мастерству.

Я все думал о Сахарове. На съезде отключали микрофон, зал орал и топал - а он говорил... Что это было? Идея его, видимо, вот в чем: пусть хоть трое в этом зале или у телевизоров, но видят, что есть человек, который не молчит. Который не желает принимать навязанные ему условия игры.

Я (извините за параллель) тоже не хочу принимать условия игры. Вступаю в негласный контакт с начальством, становлюсь соучастником. Я знаю, к чему такое соучастие приведет. Все равно оно будет губительным для театра и катастрофичным для меня. Знаю, что в таких играх погибли и очень талантливые люди. Я и в партию в свое время не вступил, хотя подсаживали "выгоды". И остался единственным в городе беспартийным главным режиссером. Так стоило ли всю жизнь отстаивать свою независимость, чтобы сейчас все перечеркнуть?! Вообще каждый должен думать о себе, о спасении себя самого. Стебя начинается и общество. Сила позиции общества состоит из силы позиций отдельных личностей.

- Вы в чем-то себя вините, в чем-то раскаиваетесь? И если бы можно было вернуться?

- Пожалуй, был слишком доверчив к властям и коллегам по творческому союзу. Я о доверчивости как о степени непредставления, что "такое возможно". Но это не покаяние, а ясное понимание того, что иначе я, наверное, не мог. Можно ли было представить себе, что, стремясь "реорганизовать" театр, не позовут 30 лет проработавшего в нем режиссера и не посоветуются с ним, как лучше это сделать? Не обязательно принимать все как "руководство к действию" - просто выслушать. За последние месяцы я успел поговорить о современных театральных проблемах с министрами культуры Польши, Венесуэлы, Кубы. Я, естественно, не записывался к ним на прием. Но со своим министром у меня не было беседы. О его намерениях я узнал впервые из его выступления по радио.

И подумайте, какое легкомыслие! Какая странная, наивная, нелепая мысль, что новый театр можно создать по указанию "сверху", провести конкурс - и создать. Полное непонимание внутренней сущности театрального искусства. Театр - не сценическая площадка, куда приехали музыканты, сложили инструменты, сыграли, уехали. Появились другие - и тоже сыграли. Театр - это система духовных ценностей, метод работы. Меня мои актеры понимали лучше, чем любые чужие "звезды". А этим реорганизаторам кажется, что легко и просто возникнет вдруг новый театр. Лучший, дай бог, конечно. В этом городе и в этой стране я пережил замечательные минуты и дни. Я хочу для нее хорошего театра, молодежного театра. Не пепелища. И хотелось бы гордиться, что есть продолжение твоего дела. Но что это сейчас возможно - трудно представить.

Я, мои актеры, технические работники театра пока в Риге. Не исключаю, что, если понадобится, большинство сможет собраться вместе вновь. Чем дольше нас не позовут, тем это, разумеется, труднее. И все же тогда мы готовы служить. "Прислуживаться тошно".

Спрашиваю себя, что они выигрывают от всего этого, что для себя получают. И ответа не нахожу. Борьба с театром? Сейчас? А как было бы красиво: признать новой власти - открытие и поддержка действительно новых театров!

Беседу вела
Наталья МОРОЗОВА.